Русский сборник

исследования по истории России

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XII

Издательский дом
РЕГНУМ
Москва 2012

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)
Р89

Ответственный составитель тома К. В. Шевченко

Р89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 504 с.
ISBN 978-5-905040-04-7

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-04-7

Содержание

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. А. ГАЙДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПРОИСХОЖДЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА «УКРАИНЦЫ»[1]

1.
Как и когда появилось слово «Украина»?

«Оукраинами» («украинами», «украйнами») с XII по XVII в. именовали различные пограничные земли Руси. В Ипатьевской летописи под 6695 (1187) г. упоминается переяславская «оукраина», под 6697 (1189) г. — галицкая «оукраина», под 6721 (1213) г. перечисляются пограничные города этой галицкой «оукраины»: Брест, Угровск, Верещин, Столп, Комов. В I Псковской летописи под 6779 (1271) г. говорится о сёлах псковской «украины».

В русско-литовских договорах XV в. упоминаются «вкраинъные места», «Украiные места», «Вкраины места», под которыми понимаются Смоленск, Любутск, Мценск[2]. В договоре двух рязанских князей 1496 г. названы «наши села в Мордве на Цне и на Украине»[3]. В отношении московско-крымской границы с конца XV в. также говорилось: «Украина», «Наши украины», «наши украинные места»[4]. В 1571 г. была составлена «Роспись сторожам из украиных городов от польския украины по Сосне,

[1] Автор выражает признательность О. Неменскому, Д. Степанову, А. Яременко и Е. Горбатову за помощь и ценные соображения, высказанные в процессе подготовки этой работы.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950 (ДДГ). С. 160 (1449 г.), 329, 332 (1494 г.).

[3] Там же. С. 334, 339.

[4] Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сборник ИРИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 119 (1491 г.); Т. 95. СПб., 1895. С. 103 (1514/15 г.).

Е. Ю. БОРИСЁНОК

УКРАИНА В ИМПЕРИИ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ТЕРРИ МАРТИН И ЕГО ВЗГЛЯД НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ БОЛЬШЕВИКОВ

В 2011 году в издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышел в свет перевод на русский язык книги профессора Гарвардского университета Терри Мартина «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939»[1]. Хотя на английском языке книга вышла еще в 2001 г., российскому читателю книга стала доступна только сейчас. На необходимость перевода этого сочинения на русский язык обратил внимание А. И. Миллер, изложивший концепцию Терри Мартина еще в начале 2000-х гг.[2] Действительно, исследование американского историка заслуживает особого внимания: не только в связи с оригинальностью трактовки советской национальной политики, но, главным образом, благодаря тому, что эта работа основана на активном и широком использовании архивных источников и материалов периодической печати тех лет. Американскому исследователю удалось проследить эволюцию советской политики с начала 1920-х до конца 1930-х годов с точки зрения содействия развитию национального сознания этнических меньшинств.

В работе уделяется внимание как западным, так и восточным национальностям, однако центральное место уделено исследованию «украинского вопроса». «На протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине, — пишет Т. Мартин. — Украинский вопрос стал играть ту же роль, которую в дореволюционной России играл вопрос польский» (с. 43). Объясняется это как численностью украинского населения, так и «чрезвычайно сильными кадрами опытных национальных коммунистов» на Украине.

Как считает Терри Мартин, «новая революционная Россия первым из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства» (с. 10). В связи с этим ученый предложил новый термин для обозначения Советского Союза как многонационального образования — империя «положительной деятельности», имея в виду, прежде всего, такие ее отличительные черты, как «систематическая поддержка внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит» (28). При этом оригинальность советской политики заключалась в том, что «она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национального большинства» (28). Советская власть, по мнению Мартина, решительно отвергла модель моноэтнического государства, заменив его моделью с многочисленными национальными республиками. Большевики попытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованием социалистов, ставивших своей целью создание экономически и политически единого государства. В этом смысле ученый называет большевиков «интернационалистическими националистами», или, точнее, «националистами положительной деятельности» (28).

Объясняя, почему большевики взяли на вооружение именно эту радикальную стратегию, Терри Мартин указывает на определяющее влияние на политику большевиков «мощного националистического движения» на территории бывшей Российской империи. «Полное неприятие национализма и вынудило большевиков выработать новую национальную политику» (11). Делая экскурс в историю полемики по национальному вопросу в рядах большевистской партии, ученый противопоставляет «поборников национального строительства во главе с Лениным и Сталиным» интернационалистам во главе

1 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

2 Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 208–219.

с Г. Л. Пятаковым и Н. И. Бухариным. При этом он вслед за своим научным руководителем профессором Шейлой Фитцпатрик указывает на сходство теоретических построений Ленина и Сталина по национальному вопросу: «Между Лениным и Сталиным существовало принципиальное согласие относительно логического обоснования и главных положений новой национальной политики партии, хотя в 1922 г. между ними и возник конфликт по поводу некоторых важных моментов ее осуществления» (13). Конечно, такое объединение Ленина со Сталиным вряд ли уместно. К тому же оно сразу же вызывает в памяти пресловутое выражение «ленинско-сталинская национальная политика», критическому анализу которого в свое время было посвящено немало времени. К сожалению, А. И. Миллер не обратил внимания читателей на это обстоятельство[3].

Терри Мартин выделяет несколько предпосылок решения национального вопроса в Советском Союзе. Первая была названа автором «марксистской». Национализм был опасной мобилизующей идеологией, так как обладал потенциалом создания союза высшего класса, преследующего национальные цели. В связи с этим большевистским лидерам представлялось, что «притягательность надклассового национализма утратит свою силу в том случае, если нациям будут предоставлены определенные формы государственности» (15). Следующая предпосылка получила название «модернизации»: формирование наций стало считаться и неизбежной, и позитивной стадией в процессе модернизации Советского Союза (17). Третья была связана с понятием колониализма и «принципом главной опасности»: нерусский национализм был ответом на царское угнетение и мотивировался исторически оправданным недоверием к великороссам, в связи с чем главную опасность представлял великодержавный шовинизм, а не местный национализм. В-четвертых, к образованию империи «положительной деятельности» привел также и так называемый «пьемонтский принцип»: попытки советского правительства использовать трансграничные этнические связи для того, чтобы распространить свое политическое влияние на сопредельные государства. Что касается Украины, то «именно привлечение симпатий многочисленного украинского населения Польши и его последующее присоединение к СССР и были самой важной целью этой стратегии» (21), — считает Терри Мартин.

Впрочем, «пьемонтский принцип» рассматривается американским историком только с одной, советской, стороны. Влияние

[3] Там же.

польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу в работе не рассматривается. Между тем, когда на рубеже 1919–1920 гг. Польша окончательно избрала активный вариант своей восточной политики, «польская угроза» для большевиков не была пустым звуком: они реально опасались утратить Украину в случае активных действий Польши и уже тогда намеревались предотвратить такую угрозу умелой национальной политикой. Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения. Большевики вынуждены были поддержать лозунг независимого украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме.

Как считает американский исследователь, в 1919–1923 гг. большевикам пришлось заниматься «разработкой самого понятия национального самоопределения нерусских народов в рамках унитарного Советского государства». Конечным результатом и стало «создание Империи положительной деятельности, нацеленной на борьбу с национализмом путем создания того, что получило наименование “формы национальной государственности”» (13). Рассматривая сущность империи «положительной деятельности», Терри Мартин подчеркивает, что «власти готовы оказать поддержку следующим четырем «формам» существования наций: национальным территориям, языкам, элитам и культурам» (22).

Прежде всего, большевики, будучи противниками экстерриториальных национально-культурных автономий, создали национальные территориальные образования. Причем речь шла не только о национальных и автономных республиках, но о целой пирамиде образований, распространившейся вплоть до мелких национально-территориальных единиц (национальных советов) (104). При этом «украинская система национального районирования предусматривала создание максимально возможного количества национальных советов, причем максимально возможной должна была быть и процентная доля входящего в каждый совет каждого национального меньшинства» (22). В этих национальных советах «предстояло осуществить всю совокупность мер советской национальной политики: и использование национального языка, и формирование национальных кадров, и развитие национальной культуры». Одним словом, считает Терри Мартин, «коренизация распространялась до самого низа — вплоть до уровня деревни» (22). Заслуживает особого внимания вывод автора о возникшей в результате взаимосвязи «между этнической идентичностью и административным контролем над терри-

торией» (63). Выстроенная система укрепила «существовавшее в народе представление о национальной территории как о своей собственной и привычку считать национальные меньшинства чужаками, а зачастую и незваными гостями... создание пирамиды национальных советов привело не к ослаблению межэтнических конфликтов, а, наоборот, к их существенному усилению» (106).

Следующий фактор «положительной деятельности» связан с развитием национальных языков и созданием национальных элит. На каждой национальной территории язык титульной национальности должен был получить статус официального государственного языка. Национальные элиты, пройдя подготовку, должны были выдвигаться на руководящие должности в партии, органах управления, промышленности и народном образовании каждой национальной территории. Что касается коренизации языковой сферы, то, как считает Терри Мартин, в 1932 г. проект ее тотальной украинизации провалился (173). Целью этого проекта было создание единообразной городской языковой среды, что должно было вынудить и украинцев, и русских признать украинский язык языком общественной жизни на Украине. Однако, как указывает автор, два самых главных социальных пространства, в которых жители Украины усваивали городскую идентичность, — завод и учреждение — так и остались сферами, где преобладал русский язык. Украинский крестьянин, приезжавший в большой украинский город в 1932 г., скорее всего, был вынужден принять русский в качестве языка общения на рабочем месте (173). В результате возникла двуязычная среда, отчетливо разделявшаяся на две разные сферы — сферу культуры и сферу экономики.

Терри Мартин объясняет крах тотальной украинизации следующими обстоятельствами. Прежде всего, украинизация встретила весьма сильное пассивное сопротивление и саботаж со стороны русского и русифицированного городского украинского населения. Как считает ученый, подчиняться требованиям украинизации наиболее демонстративно отказывались отнюдь не обычные бюрократы, а члены партии и высокопоставленные администраторы. Пассивный саботаж членов партии и управленцев и отсутствие настойчивости в поддержке украинизации центром привели к ослаблению «жесткой линии» в проведении украинизации. В то же время социалистическое наступление привело к усилению централизации и к более глубокому внедрению русского языка. Наконец, волна террора была направлена против украинских националистов, а не против великорусских шовинистов (174).

Между тем следует указать, что не только эти факторы были причиной сохранения прочных позиций русского языка на Украине. Значение русского языка как языка межэтнической коммуникации было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Коммуникативные потребности единого государства требовали хорошего знания русского языка со стороны активной части населения, поскольку русский язык играл ведущую роль в сфере государственного управления, науке, армии, являлся средством общения между людьми разных национальностей. Об этом Терри Мартин не упоминает, хотя и рассматривает многочисленные споры, возникшие между украинским и центральным руководством по поводу языка переписки (153–164).

В данной связи представляет несомненный интерес оценка постановления 1938 г. «В годы правления Сталина обучение на родном языке, за немногочисленными исключениями, оставалось в нерусских школах обязательным, а русский язык оставался лишь учебным предметом, — пишет Терри Мартин. — Мартовское постановление 1938 г. не стало началом культурной русификации. Его целью был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура» (627).

В то же время Терри Мартин признает, что к 1939 г. политика коренизации в сочетании с теми социальными преобразованиями, начало которым положило сталинское социалистическое наступление, создала в национальных республиках СССР — как восточных, так и западных — многочисленный класс работников умственного труда, представленный коренными жителями. На руководящих должностях они были представлены «в среднем пропорционально», что нельзя было сказать о сфере производства и медицине — «кадры технических специалистов создаются не так быстро, и для преодоления разрыва между специалистами требуется не одно поколение» (518).

Кроме того, большевики уделяли большое внимание национальной культуре. Терри Мартин отмечает, что в принятых постановлениях подтверждалось признание партией разных национальных культур, причем партия обязывалась предоставить для их максимального развития государственную поддержку. В то же время американский исследователь справедливо указывает на некую неопределенность сталинского определения советских национальных культур как «национальных по форме, социалистических по содержанию». По мнению ученого, такая неопределенность была намеренной, поскольку «планы боль-

шевиков по социальному преобразованию страны не допускали сохранения каких-либо существенных характерных национальных черт — религиозных, правовых, идеологических или относящихся к обычаям. Так что сталинскую «национальную культуру» было бы точнее называть не национальной культурой, а «национальной идентичностью» или «символической этничностью». Действительно, активно пропагандировались «символические признаки национальной идентичности: фольклор, музеи, национальная одежда и кухня, стиль, опера, поэты, “прогрессивные” исторические события и произведения классической литературы». Целью подобной пропаганды было обеспечение мирного сосуществования различных национальных культур с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой, которой предстояло прийти на смену национальным культурам (24–25).

При этом «национальные культуры нерусских народов предстояло деполитизировать путем проявления показного, нарочитого уважения к ним» (25). Без сомнения, данный тезис американского исследователя заслуживает внимания. Однако говорить о деполитизации национальных культур в советское время необходимо с известной оговоркой. С нашей точки зрения, происходила не деполитизация национальных культур, а устранение культурных образцов и традиций, считавшихся «пережитком», или присущих «социально-чуждым» элементам. Одновременно навязывалась новая система ценностей: советская политика была ориентирована на придание идеям и образам, функционировавшим в общественном сознании, «идеологически выдержанного» и «морально устойчивого» характера. Одновременно большевистское руководство стремилось сформировать чувство сопричастности (или «братства») у народов, населяющих СССР, путем создания общей системы ценностей и общих символов. Таким образом, идеология и политика играли немаловажную роль в большевистской культурной практике.

Что касается эволюции империи «положительной деятельности», то Терри Мартин предлагает следующую периодизацию: нэп (1923–1928), социалистическое наступление/культурная революция (1928–1932), великое отступление (1933–1938). Что касается Украины, то исследователь отмечает, что 1923–1925 гг. следует назвать эпохой «украинизации по декрету». В это время была предложена широкая программа украинизации, однако ее исполнение столкнулось с упорным пассивным сопротивлением. Именно такое сопротивление и должен был сломить прибывший в апреле 1925 г. на Украину Л. М. Каганович. Любопытно, что автор не указывает

на истинные причины назначения Кагановича. Он отмечает только, что «факт, что Сталин назначил на этот пост (генерального секретаря КП (б) У. — *Е. Б.*) именно Кагановича, свидетельствовал о его доверии, поскольку лояльность Украины всегда имела ключевое значение в борьбе Сталина с Троцким и левой оппозицией» (121).

Действительно, участь предшественника Кагановича, Э. И. Квиринга, была определена именно участием последнего во внутрипартийной интриге. «Новая оппозиция» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева пыталась изменить расстановку сил внутри партии в свою пользу и решила привлечь на свою сторону лидера украинских коммунистов. В январе 1925 г. Квиринг, прибывший вместе со своими товарищами в Москву на пленум ЦК РКП (б), был приглашен Зиновьевым на совещание. Там речь шла о смещении Сталина с поста генерального секретаря, о чем в конце концов стало известно и Сталину. В апреле 1925 г. пленум ЦК КП (б) У постановил, что «эта история вызвала недоверие к Квирингу»; было созвано заседание политбюро, на котором был поставлен вопрос о «необходимости ухода тов. Квиринга с поста генерального секретаря», с чем тот «вполне согласился»[4].

Если в 1923–1925 гг. в фокусе украинизации «находились прежде всего органы управления, а особенно те, которые имели дело с отсталыми крестьянами, но она не затрагивала партийные органы, имевшие дело с передовыми городскими рабочими»[5], то в 1925 г. ситуация изменилась. Как справедливо указывает Терри Мартин, при Кагановиче «партия возглавила украинизацию напрямую, не уступив этой роли государственной бюрократии, и настояла на проведении своей собственной украинизации, что было одним из признаков ее лидерства в этом деле» (122). Был установлен контроль за проведением украинизации, и была признана «необходимость принуждения». Публичных высказываний против украинизации теперь не допускалось (123–124).

Была поставлена амбициозная цель — «создание всецело украинской языковой среды». Такая стратегия была направлена на преодоление разрыва между украинской деревней и русским городом (126). Украинское руководство, считает Терри Мартин, «было полно решимости принять активные меры, чтобы не дать городам Украины стать русскими городскими островками»

---

4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 111–113; Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 164–165.

5 Там же. С. 125.

(127). Американский исследователь уделил внимание позиции А. Я. Шумского, добивавшегося ускорения темпов украинизации и активного ее внедрения в рабочую среду. Одновременно он указывает на роль «дела Шумского» в расколе Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) (137–140, 292–314). Уклон в руководстве КПЗУ, выступившем в защиту Шумского, отмечает Терри Мартин, стал «сокрушительным ударом по внешнеполитическим амбициям Украины и создал большие проблемы для Коминтерна», поскольку эти события произошли в 1927 г., «когда угроза войны достигла своего апогея». Внутриполитические инициативы Ю. Пилсудского, нацеленные на улучшение отношений с украинским населением Польши, «взволновали советское руководство» и были восприняты в качестве попытки «обеспечить свои тылы в случае конфликта с СССР» (311–312). Терри Мартин делает вывод, что «дело Шумского» способствовало появлению представлений о том, что коренизация скорее усиливает национализм, чем противостоит ему (314).

Начавшееся «социалистическое наступление» (этим термином Терри Мартин обозначает период с 1928 по 1932 гг.) стало «поворотным моментом в эволюции национального устройства Советского Союза» (328). Американский исследователь показал всю сложность этого периода. На Украине публичное осуждение «правого уклона» привело к попыткам интерпретировать местный национализм как более опасный, чем великодержавный шовинизм: так, Д. З. Лебедь опубликовал в журнале «Большевик» статью, в которой он доказывал, что украинский национализм стал теперь более опасным, чем русский шовинизм (331). Такая позиция была раскритикована украинским руководством (332–337). На состоявшейся в Москве в феврале 1929 г. встрече Сталина с делегацией украинских писателей генеральный секретарь ЦК ВКП (б) постарался убедить последних в отсутствии угрозы украинской культуре и украинизации (339–341). Тем не менее начавшиеся на Украине показательные процессы против местных националистов подрывали политику коренизации (370). Одновременно в 1929–1931 гг. советское руководство начало новую кампанию, положившую начало «новому советскому национальному устройству, возникшему в середине 30-х годов, символом которого стала повсеместно употреблявшаяся метафора «дружба народов» и «реабилитация традиционной русской культуры и русского национализма как силы, обеспечивающей советское единство» (371).

Важным рубежом в осуществлении национальной политики Терри Мартин считает 1932 г.: постановление Политбюро от

14 декабря «обозначило решающий поворот в эволюции советской национальной политики». К возникновению национальной интерпретации кризиса хлебозаготовок привело несколько причин. Прежде всего, это национал-уклонизм в КПЗУ, породивший сомнения в действенности «пьемонтского принципа», возникновение радикального национализма в Восточной Европе. Во-вторых, сохранение объединенных по этническому признаку группировок в партийных организациях национальных образований (Терри Мартин ссылается на «шумскизм») убеждало власти, что коренизация усиливает националистические настроения, вызывало опасения, что на позиции национализма перейдут коммунисты. В-третьих, кампания террора против «местных националистов» вызывала сомнение в том, что центр действительно поддерживает коренизацию. В-четвертых, социалистическое наступление сопровождалось усилением централизации страны. Но главным была «уверенность в том, что национал-коммунисты, по существу, противопоставляют себя центру». В-пятых, «возникало ощущение, что положительная деятельность не способствует укреплению единства наций в СССР, потребность в котором была велика в условиях, сложившихся в результате социалистического наступления и усиления внешнеполитической угрозы. Все это толкало к пересмотру русского вопроса» (402–403).

Как считает американский исследователь, постановление от 14 декабря «положило начало целому ряду имевших важные последствия изменений в советской национальной политике». К этим изменениям Терри Мартин относит: «начало этнических чисток и возникновение понятия “народа-врага”, фундаментальный пересмотр (но не отмена) коренизации, переход от этнической дивергенции к этнической консолидации, сопровождавшейся административной русификацией РСФСР, и, наконец, реабилитация русских и традиционной русской национальной культуры, что было составной частью процесса пересмотра советского национального устройства, организующей метафорой которого стала “дружба народов”» (423).

После 1933 г., по мнению Терри Мартина, происходит эволюция политики коренизации, свидетельствующая скорее о сокращении ее масштабов и рационализации, чем об отмене (526). Продолжала осуществляться программа положительной деятельности в высшем образовании, продолжалось выдвижение на руководящие должности коренных жителей на основе одной лишь этнической принадлежности. Коренизация и программа положительной деятельности продолжала осуществляться тихо,

без шумных кампаний, без предупреждений и обличений великодержавного коммунизма (526).

В то же время «была разорвана связь между коренизацией и национал-коммунизмом». Как считает американский исследователь, «террор 1933 г. на Украине был направлен помимо немцев и поляков против трех основных категорий населения: национал-коммунистов, украинских специалистов в области культуры (преподавателей и экспертов в сфере национальной политики в частности) и, наконец, западноукраинской эмиграции» (469). Терри Мартин весьма подробно рассматривает так называемое «дело Скрыпника», подчеркивая такие выдвинутые против главы украинского Наркомпроса обвинения, как «создание опасной теории, сочетающей в себе национализм и большевизм; преувеличение значимости национального вопроса; ошибочное толкование Пьемонтского принципа и, наконец, попытка принудительно украинизировать русских школьников». Как считает исследователь, «Скрыпник чересчур энергично проводил украинизацию, выступал за территориальную экспансию Украины, поддерживал притязания украинцев на территории РСФСР, ратовал за сотрудничество с западными украинцами» (470).

Впрочем, американский ученый не учитывает того обстоятельства, что удар пришелся не против старого большевика, а против Скрыпника как наркома просвещения Украины: именно это ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации. При этом, судя по сохранившимся воспоминаниям Я. С. Блудова, исполнявшего в 1930-х годах обязанности ректора Харьковского государственного университета, первоначально виновными в националистическом уклоне были признаны секретарь ЦК КП (б) У по идеологии, редактор органа ЦК КП (б) У газеты «Коммунист» А. П. Любченко и заведующий отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП (б) У А. А. Хвыля. Блудов считает, что Любченко удалось «отвести от себя удар», добившись встречи в Москве с нужными лицами (в воспоминаниях названы Сталин и Каганович). После этого «в Москву был немедленно вызван П. П. Постышев и ему было указано, что он не туда направил огонь. Его следует направить против Скрыпника, «вообразившего себя Лениным на Украине» (Сталин). После чего и началась «проработка» Н. А. Скрыпника...»[6]. Терри Мартин указывает, что до Любченко дошла информация о негативной оценке его

[6] Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 59. Оп. 1. Спр. 98. Арк. 10; Борисенок Е. Ю. Указ. соч. С. 216–217.

роли Сталиным, и он написал Сталину два больших письма, в которых детально описал свои многочисленные споры со Скрыпником (475). Возможно, сведения Блудова имеют под собой некие основания. Действительно, в 1933 г. Любченко уцелел и в 1934 г. стал председателем Совнаркома Украины.

Таким образом, в результате «дела Скрыпника», «национал-коммунизм был признан реальной угрозой единству Советского Союза»; «национальный вопрос был окончательно низведен до второстепенного уровня и решался в русле «мягкой линии»»; «новая политика не допускала постоянного упоминания национального вопроса и излишнего теоретизирования по этому поводу»; «власти отказались от Пьемонтского принципа, а трансграничные этнические связи стали рассматриваться скорее как внешняя угроза, нежели как возможность распространить влияние СССР на сопредельные территории»; «подчеркивалось значение культурных связей между Россией и Украиной: теперь они считались республиками, которые скрепляют Советский Союз, делая его «братством народов», а затем «дружбой народов»; «упрочилось положение русских на Украине»; наконец, «тотальная украинизация была отменена, но и русификация Украины не началась» (483).

Как пишет Терри Мартин, «хотя в 1933–1937 гг. об украинизации в публичных выступлениях не говорилось ни слова, архивные документы свидетельствуют, что на протяжении всего этого периода она по-прежнему продолжала заботить украинское руководство»[7]. В книге приводятся примеры принятых в 1934–1935 гг. постановлений, согласно которым было не только предложено изучить состояние украинизации в государственных органах, но и возвращалась практика выдвижения на руководящие должности украинцев. Например, 3 июня 1935 г. вышло «совершенно беспрецедентное постановление ЦК», в котором «было выдвинуто требование направлять на руководящие должности в наркоматах только этнических украинцев» (497). «Из постановлений Оргбюро со всей очевидностью следовало, что этнические русские должны быть заменены этническими украинцами, — пишет Терри Мартин. — В некоторых случаях русских переводили на другую работу, а в иных — их судьба не уточнялась» (497). Как подчеркивает американский исследователь, «открытое замещение высокопоставленных этнических русских этническими украинцами всего лишь из-за их национальной принадлежности не происходило даже в апогей украинизации Кагановича» (497–498).

[7] Там же. С. 494.

Новая кампания украинизации отличалась от прежней не только тем, что ее «проводили без шума». Американский ученый отмечает также два других отличия: «теперь в большей степени занимались положительной деятельностью, чем расширением сферы применения украинского языка», а также «исключительное внимание уделялось выдвижению украинцев на различные руководящие должности (начиная от районного уровня и до центральных комиссариатов)». Терри Мартин считает, что «во время террора 1933–1934 гг. украинизация существенно замедлилась и даже начался обратный процесс, но в 1935–1936 гг. она была продолжена» (499). Впрочем, в 1937 г. начались массовые аресты «буржуазных националистов», и «террор вновь стал средством советской национальной политики» (504). В январе 1938 г. началось издание газеты «Советская Украина», тиражи русскоязычной прессы выросли с 12,5 % от общего тиража украинских изданий в 1936 г. до 29,4 % в 1938 г., что «свидетельствовало об окончательном отказе от тотальной украинизации». Как считает Терри Мартин, «в середине 1938 г. наблюдатель имел полное право предположить, что началась русификация Украины. Однако с окончанием Большого террора и присоединением Западной Украины в 1939 г. положение вновь стабилизировалось. И с тех пор Советская Украина оставалась двуязычной и бикультурной» (505).

Проводившуюся в СССР политику Терри Мартин сравнивает со знаменитой схемой Мирослава Гроха, согласно которой становление национализма среди «малых» народов Восточной Европы, не имевших государственности, совершалось в три этапа. Для первого этапа характерен интерес элиты к фольклору и народной культуре, не связанный с политикой (этап «А»); для второго этапа — консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства (этап «Б»); для третьего — возникновение националистического движения, пользующегося массовой поддержкой народа (этап «В»). Как подчеркивает Терри Мартин, советское государство «буквально возглавило движение на всех этих трех этапах: оно предоставило право голоса национальным культурам, создало национальные элиты и распространяло национальное сознание среди масс населения». Исследователь считает нужным ввести дополнительно этап «Г», во время которого государство осуществляло меры, характерные для новообразованных моноэтнических государств: оно ввело новые государственные языки и создало новые правящие элиты. Т. е., по выражению ученого, «партия стала авангардом национализма нерусских народов» (28–29).

Терри Мартин подчеркивает, что «одна из самых поразительных особенностей советской национальной политики — решительное неприятие даже естественной ассимиляции народов»: благодаря «исторической силе русской национальной культуры нейтралитет неизбежно привел бы к ассимиляции нерусских народов». Поэтому, чтобы «защитить национальную культуру нерусских народов, требовалось начать положительную деятельность» (30). Советский Союз, считает американский исследователь, стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы положительной деятельности для национальных меньшинств, и до сих пор еще ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности (впрочем, СССР проводил программы положительной деятельности и в области классовой, и в области гендерной политики) (31–32).

Вводя в оборот понятие «империя положительной деятельности», ученый фиксировал «парадоксальную природу многонационального Советского государства — чрезвычайно агрессивного, централизованного и сильного, организованного, с формальной точки зрения, как федерация суверенных наций» (33). При этом Терри Мартин считает, что «империя положительной деятельности не была традиционной империей», он не соглашается с теми, кто утверждает, «будто Советский Союз, коль скоро он обладал признаками, которые роднили его с другими империями, объективно с точки зрения социологии может быть классифицирован как "империя"» (34).

Более того, сама стратегия положительной деятельности была направлена на то, чтобы не допустить восприятия Советского Союза как империи. Поскольку национализм нерусских народов представлялся как защитная реакция на действия русского великодержавного шовинизма, большевики, подчеркивает Терри Мартин, старались не допустить, чтобы их действия (а они собирались «править диктаторски и произвести в обществе радикальные преобразования») были восприняты как русский империализм. Следовательно, пишет американский ученый, «нужно было принизить русское национальное самосознание»: «Советский Союз недвусмысленно отверг само понятие государствообразующей нации», партия потребовала от русских примириться с их официально неравным национальным статусом — для того чтобы содействовать сплочению многонационального государства».

Как пишет Терри Мартин, «иерархическое различие между государствообразующей нацией и колониальными народами было воспроизведено... в перевернутом виде» (35). На такое воспри-

ятие империи обратил внимание А. И. Миллер, подчеркнувший, что американский исследователь, «безусловно, прав в том, что принципы организации СССР были качественно иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени, что политика положительного действия сознательно утверждала формы именно национального государства». Но, по мнению российского ученого, Терри Мартин ошибается, «когда пишет, что аналитическая категория «империя» бесполезна при изучении СССР»[8]. Миллер подчеркивает, что еще до Первой мировой войны «мы наблюдаем именно процесс усвоения империями модерных форм политической, военной и экономической организации, то есть не замещение империи модерным государством, но многообразные варианты гибридизации, совмещения старых имперских и модерных государственных форм»[9].

Работа Терри Мартина вносит заметный вклад в современную историографию. На прямую зависимость советской политики от активизации национальных процессов в стране традиционно указывали и указывают многие историки. В то же время сочинение исследователя из Гарварда убедительно доказывает, что советская политика носила активный характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений. Те или иные коренизационные меры принимались не только и не столько под давлением национал-коммунистических сил, но являлись частью последовательной программы национальных преобразований, осуществлявшихся с учетом происходивших в стране этносоциальных процессов.

8 Миллер А. И. Указ. соч. С. 214.
9 Там же.

ДМИТРИЙ СЕМУШИН

ПОМОРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ: РЕАЛИИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Современный кризис русской цивилизации находит выражение, в том числе, и в феномене разрушения русского этнического самосознания. Процесс конструирования новых этнических идентичностей в последнее время затронул «титульную нацию» современной Российской Федерации — русских. В этом деле объектом деятельности этнических политтехнологов стали социальные общности, в прошлом определяемые как субэтносы или даже локальные этнографические группы, обладавшие специфическими чертами быта, менталитета и трудовой деятельности. Процесс конструирования новых этнических идентичностей облегчается через реидентификацию искусственно создаваемых социальных групп — «воображаемых сообществ». В этом случае идеологи этносепаратизма подают свою деятельность как «возвращение к историческим корням и культурным истокам», как этническое и культурное «возрождение» ранее существовавших народов. Характерным примером подобной деятельности этнических антрепренеров может служить движение т. н. «поморов» в Архангельске.

При ближайшем рассмотрении «поморское возрождение» представляется сложным по составу участников и деятельности явлением. Прежде всего, нужно отметить, что дело не сводится только к созданию иной от русской этнической идентичности. «Поморство» часто неосознанно внедряется как местная региональная идентичность для русских, проживающих на Севере,